

Т.В. Смирнова

**«Тебе, мать нежная, драгая...»
(Семейная атмосфера в усадьбе князей Трубецких и их потомков)**

Этими словами начинается стихотворение князя Петра Ивановича Трубецкого:

Тебе, мать нежная, драгая,
Я памятник воздвигнул сей,
Чтоб ум твой, доблесть вспоминая,
Излить здесь глас души моей.
Ты местность эту сотворила,
Храм Божий, воды, дом и сад,
Саму природу победила,
Всему дав стройный, дивный лад.
Вся жизнь твоя была сплетенье
Забот семейных и трудов,
И здесь нашла ты развлеченье
У Вори милых берегов...
Да будет ввек воспоминанье
Сей памятник делам твоим,
А мне то сладостно сознание,
Что сын воздал достойно им.

Князь Петр Иванович Трубецкой

Эти трогательные стихи генерал-лейтенанта, сенатора, кавалера ордена Большого Орла князя П.И. Трубецкого написаны о его матери – Наталье Сергеевне, урожденной княжне Мещерской (1775–1852). Князь приказал выбить их на гранитной колонне-памятнике.

Памятник-колонна княгине Наталье Сергеевне Трубецкой, урожденной княжне Мещерской, установленный в Ахтырке

Это не памятник на могиле – княгиня Н.С. Трубецкая похоронена в Троице-Сергиевой лавре. Нет, этот памятник по распоряжению князя установили на берегу реки Вори в подмосковной усадьбе Трубецких Ахтырке¹.

Памятник матери... Заботами Н.С. Трубецкой усадьба приобрела тот вид, который в 1830-годах был изображен на литографии неизвестным художником: величественный дом в стиле ампир, церковь, парк, большой пруд с пристанью. В этом заслуги Трубецкой

бесспорны. Но мы можем предполагать и высокие душевные качества у этой женщины. Ведь где еще есть памятник матери?

Вид усадьбы Ахтырка. Неизв. худ. Литография 1830-х гг.

**Княгиня Софья Алексеевна Трубецкая,
урожденная Лопухина**

О другой княгине Трубецкой мы знаем гораздо больше. Внук Натальи Сергеевны, к которому перешла Ахтырка, женился на Софье Алексеевне Лопухиной (1841–1901). Ее сын, Евгений Николаевич Трубецкой, писал: «...мне и теперь, через сорок лет после нашего последнего отъезда из Ахтырки, кажется, что мы там дышали благодатью, словно благодатью был там полон каждый глоток воздуха»².

Посылая матери свою диссертацию, он писал ей:

«...все благие семена посеяны тобою с детства, все наши идеальные стремления исходят от тебя, потому что от тебя все наше сердечное воспитание и все, сколько в нас есть живой любви, душевной теплоты, все эти сокровища внутренней душевной жизни мы первоначально от тебя восприяли»³.

Церковь в Ахтырке. Современное фото.

Князь Сергей Николаевич Трубецкой

Князь Евгений Николаевич Трубецкой

Воспоминания Е.Н. Трубецкого «Из прошлого» были написаны им в начале марта 1917 года, под лай пулемета и крики революционной толпы на улице. Казалось бы – в самое неподходящее время. Но «связь с дорогими отошедшими должна сохраняться всегда», – вот кредо Е. Н. Трубецкого. И в его воспоминаниях предстает перед нами, прежде всего образ его матери. Если ребенок провинился, ей порою достаточно было лишь взглянуть на него. «Никогда не забуду силы ее гнева, – писал Е.Н. Трубецкой, – когда однажды, бросая пряниками в день ахтырского праздника, я целился ими в головы мальчиков и бросал с силою, причиняя боль. По ужасу, изобразившемуся в ее глазах, я понял, что я сделал... Гипноз этого взгляда сделал для меня третирование крестьянских мальчиков раз навсегда невозможным. <...>

Мы выросли в понятиях равенства людей перед Богом. И это опять-таки был не либерализм, а глубокое душевное настроение. Мам`а так чувствовала людей и оттого так свято негодовала, когда кто-либо из нас чувствовал иначе. <...>

...но воспитывались мы вовсе не наказаниями, сравнительно редкими, а именно любящими внушениями, всем гипнозом окружавшей нас духовной атмосферы. Внешняя дисциплина почти отсутствовала.<...>

Князь Николай Петрович Трубецкой

...мы Мам`а горячо любили; в ней было то высшее, что заставляло забывать о несправедливостях, были дары духа, больше чем справедливость. Не справедливостью мы воспитывались, а душевным подъемом, который в ней исходил из глубокого внутреннего горения. Пусть этот подъем ошибался в понимании жизни и в оценке характеров. Важно то, куда он направлялся; а еще важнее то, что он и других, в особенности детей ее, уносил и поднимал. <...> Это была внутренняя музыка исходившего от нее гипноза ⁴.

Софья Алексеевна Трубецкая с сыном Сергеем. Она держит посвященную ей диссертацию сына.

Эта удивительная женщина вырастила и воспитала восьмерых детей. Ее старший сын, известный философ Сергей Николаевич Трубецкой, посвятил матери свою магистерскую диссертацию «Метафизика Древней Греции».

Младший сын, Григорий Николаевич Трубецкой, участник белого движения, купил в Кламаре под Парижем небольшую усадьбу и приютил в ней всех родственников, покинувших Россию. Некоторое представление об их числе может дать такая строчка в воспоминаниях княгини Лидии Васильчиковой, устроившей в Булони любительский театр. «Однажды в Булонь прибыла русская молодежь из Кламара, как всегда гуртом (Трубецкие, Лермонтовы... имя им легион». Князь Юсупов, в доме которого был устроен спектакль, подумал, что приехал хор или оркестр⁵. Эпизод относится к концу 1920-х годов.

Князь Григорий Николаевич Трубецкой с женой

О Софье Алексеевне Трубецкой оставили исключительно теплые воспоминания и ее внуки. Так, ее внучка Мария Федоровна Мансурова

писала: «Большое место в жизни бабушки и семьи Лопухиных, из которых она вышла, занимала семейственность, родственность, выхождения замуж, рождение детей. Бабушка очень любила свою семью и свое потомство, Она красиво вязала шерстяные вещички для новорожденных младенцев и знала разные “points” (рисунки для вязания). Вот эти нежные крохотные носочки, голубые для мальчиков и розовые для девочек, иногда отделанные по краю крохотными помпончиками, эти распашонки из тончайшего батиста (бабушка умела их шить), вязанные кофточки, чепчики и одеяльца, вязанные и сверху еще вышитые шелком, эти голубые и розовые ленточки, на которых вешались в кроватках серебряные образочки – неразрывно связаны с образом бабушки <...>. С неотравленным доверием к жизни, с взглядом прямым и открытым жила бабушка – она была психически здорова и молода душой. То, что она дарила детям, был ли то бисер, или цветная шерсть с канвой и узорами, или пасхальное яйцо из цветного стекла, или шоколадная бомба с сюрпризом, шло к нам не только от нее, но и через нее. Бабушка еще дарила нам прелестные детские книжки. Ее подарки давали радость, утверждали жизнь. Радовали и ее приезды к нам, ее присутствие и облик»⁶.

Семья Николая Петровича Трубецкого

А вот что написал о Софье Алексеевне Трубецкой ее внук Сергей Евгеньевич Трубецкой: «... мы видели с детства любовь и хороший пример не только со стороны наших родителей. Очень большое влияние в детстве оказала на меня Бабушка Трубецкая. <...> Конечно, мы, дети, не могли до глубины понять исключительно даровитую, тонкую и одухотворенную природу Бабушки, но мы безошибочно чувствовали ту тихую благодать, которую она излучала вокруг себя. Главное, что сохранила мне память о ней, я не могу передать словами, это ощущение какого-то тихого струящегося света. Оккультисты сказали бы, что я своей детской душой ощущал исключительно светлую “ауру” Бабушки. В детстве, слыша слова молитвы “Свете Тихий”, я вспоминал о ней. Тогда я не осознавал своей мысли, но

теперь понимаю. Бабушка была для меня образом “Тихого Света”, – такой она осталась для меня и поныне»⁷.

Стоит добавить, что воспоминания внуков о С. А. Трубецкой относятся ко времени, когда усадьба Ахтырка была уже продана, и жизнь семьи сильно изменилась. Но на характере Софьи Алексеевны это не отразилось.

После революции большинство усадеб владельцы должны были вскоре покинуть. Но в некоторых еще какое-то время можно было жить. Такими были не только усадьбы в Крыму. В средней полосе России в Богородицке графов Бобринских, собрались многие родственники – Голицыны, Трубецкие. Об этом подробно писал князь С.М. Голицын в своих воспоминаниях «Записки уцелевшего». А в Подмоскowie такой усадьбой было Измалково. Эта самаринская усадьба в 1916 году была получена в наследство графиней Варварой Федоровной Комаровской, урожденной Самариной, внучкой С.А. Трубецкой. Скоро к семье Комаровских присоединилась большая семья Осоргиных – их в 1918 году выселили из усадьбы Сергиевское Калужской губернии. Елизавета Николаевна Осоргина, урожденная княжна Трубецкая, была дочерью С.А. Трубецкой.

Кроме того, в Измалково Комаровские пригласили семью Истоминых, с которыми сдружились, находясь во время Первой мировой войны на Кавказе.

Антонина Владимировна Комаровская вспоминала: «Время было тревожным и напряженным, обитатели Измалкова чувствовали себя на перепутье. И все же жизнь в усадьбе была сравнительно тихой. По вечерам, когда заканчивались дневные работы и детей укладывали спать, взрослые собирались у Осоргиных, разговаривали, слушали музыку, иногда читали вслух. И почти всегда в доме был кто-то из общих гостей. Из Москвы, в то время скудной и тревожной, часто приезжали близкие и друзья на несколько дней или недель – пожить и отдохнуть. Кроме того, в ближайших деревнях проводили лето знакомые семьи. Их привлекала тихая тогда природа, купанье, лес и относительная близость к Москве».

Когда в 1923 году всем обитателям усадьбы Измалково пришлось ее покинуть, Осоргины поселились рядом на зимней даче. А.В. Комаровская писала: «И снова Осоргины, прожившие на этой довольно просторной, но холодноватой даче около восьми лет, наполнили дом строем и уютom их жизни <...>. В жизни Елизаветы Николаевны большое место занимала переписка. Она писала своим далеким детям и другим родным, большей частью во Францию. Все полученные письма сохранялись, перечитывались, были семейной летописью.

Утренний чай, обед и ужин, какими бы скромными, даже убогими они ни были, проходили в определенные часы и были торжественными. Стол накрывался белой скатертью, на него ставилась старинная посуда, и все ждали минуты, когда хозяйка сядет и развернет салфетку.

Вечерами все собирались за рукоделием или за общим чтением. Часто Михаил Михайлович (муж Елизаветы Николаевны. – Т.С.), молча раскладывал пасьянс.<...>

По-прежнему приезжали родные и близкие. <...> В большой комнате, выходящей на балкон, служившей и столовой, и гостиной, летними вечерами Елизавета Николаевна играла на фортепьяно. Кто-нибудь из гостей пел. Когда музыка стихала, на балкон выносили лампу, вокруг которой начинали биться ночные бабочки. Все собирались у самовара, и шел неторопливый разговор»⁸.

Одна из дочерей Осоргиных – Мария Михайловна была талантливой художницей. Она передала уют этой усадебной жизни, продолжавшейся в совсем изменившихся условиях. Почти на всех изображенных ею интерьерах мы видим лампу под абажуром. Абажур – символ мирной жизни, ее устойчивости, неколебимости. «Никогда не срывайте абажур с лампы, – писал М. Булгаков. –

Абажур священен.<...> У абажура дремлите, читайте, пусть воет вьюга, ждите, пока к вам придут»⁹.

А еще М.М. Осоргина оставила множество карандашных портретов тех, кто жил в Измалкове и приезжал в усадьбу. Это портреты Осоргиных, Самариных, Голицыных, Комаровских, Истоминых, Толстых, Мансуровых, Бобринских, Раевских, Шереметевых, Урусовых и др.

Елизавета Николаевна Осоргина, урожденная княжна Грубецкая с внучкой. Акварель М.М. Осоргиной.

Елизавета Владимировна Грубецкая, урожденная княжна Голицына и Владимир Сергеевич Грубецкой в Сергиевом Посаде

Прошло много лет. И вот в 2000 году в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике была открыта выставка графических работ М.М. Осоргиной. На выставке встретились потомки тех, кто когда-то бывал в Измалкове.

Можно привести много примеров, как после революции Трубецкие и их родственники помогали друг другу. Справедливы слова Сергея Михайловича Голицына: «Мы, бывшие люди, происходившие от Рюрика, Гедимина или выходца “от немец”, в годы революции крепко сплотились друг с другом, несчастья сблизили нас между собой. Мы все, не колеблясь, готовы были помочь материально или морально чем могли даже четвероюродной

Елизавета Владимировна Трубецкая.
Фото 1941 г.

сестре, если арестовывали ее мужа. Мы были сильны своей сплоченностью»¹⁰. Конечно, ряды так называемых бывших в последующие годы сильно поредели – кто был расстрелян, кто находился в лагере, а кто за границей. Да и обстановка в стране не способствовала общению. Если же «бывшие» продолжали общаться, их часто объявляли «антисоветской группировкой», а за этим следовали аресты. И все же они сохраняли связи. Граф Юрий Александрович Олсуфьев был женат на одной из внучек Николая Петровича Трубецкого от первого брака – Софье Владимировне Глебовой. В 1917 году, покинув свою усадьбу в Тульской губернии, Олсуфьевы купили дом в Сергиевом Посаде, можно сказать – приобрели небольшую городскую усадьбу. Вскоре они отдали нижний этаж Мансуровым – Сергей Павлович Мансуров был женат на Марии Федоровне Самариной, также внучке князя Николая Петровича Трубецкого. Когда семью Комаровских выселили из усадьбы Измалково, Мансуровы уступили им часть комнат, а Олсуфьевы

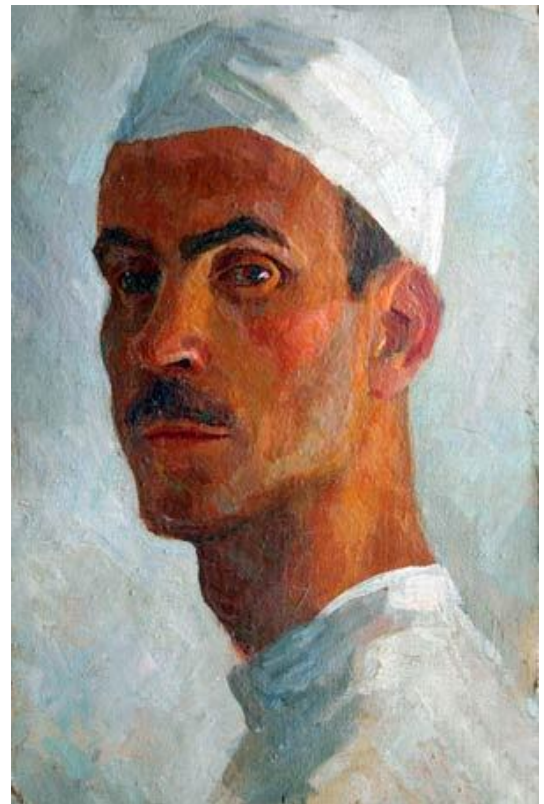
отвели самую светлую комнату в верхнем этаже Владимиру Алексеевичу Комаровскому, который был художником. Женат он был на Варваре Федоровне Самариной, внучке Н.П. и С.А. Трубецких ¹¹.

Во время Великой Отечественной войны правнук Н.П. Трубецкого Андрей Владимирович Трубецкой, в первые дни войны попал в плен, тяжело раненым. Лежал в госпитале для советских военнопленных в Вильнюсе, откуда в случае излечения отправляли в лагерь. Спас его двоюродный дядя Михаил Григорьевич Трубецкой, один из внуков Н.П. Трубецкого. М.Г. Трубецкой оказался тогда в Литве, узнал о родственнике благодаря тому, что тот носил известную фамилию. И сумел освободить Андрея Владимировича благодаря тому, что Трубецкие – потомки Великого князя Литовского Гедимина: получил разрешение у военного коменданта Вильнюса взять его из госпиталя.

**Андрей Владимирович Трубецкой.
Фото 1940 г.**

А долечивался, отъедался и набирался сил перед тем, как уйти к партизанам и продолжить войну с немцами, А.В. Трубецкой в имени Щорсы другого дяди – Аполлинария Константиновича Бутенева, женатого на одной из внучек Н.П. Трубецкого Марии Сергеевне Трубецкой. А.В. Трубецкой вернулся на родину, хотя у него были все возможности остаться на Западе. В своих воспоминаниях он писал: «Я не представлял, как буду жить без своих, и меня всей силой тянуло домой. Самым дорогим мне человеком была мать.

Андрей Владимирович Трубецкой. Портрет работы С.М. Ивашова-Мусатова. Степлаг.

На ее долю выпало столько тяжелых испытаний, а она их так безропотно переносила, сея вокруг себя мир и любовь, Любовь к матери соединялась для меня с любовью к Родине»¹².

Он вернулся. Но мать его, когда трое ее сыновей воевали на фронте, была арестована и умерла в Бутырской тюрьме. Сам же Андрей Владимирович вскоре получил 10 лет лагеря.

Но вот настали новые времена. И в 1996 году в России собрался семейный съезд потомков Николая Владимировича Трубецкого. Живут они теперь в разных странах Европы, Америки, Азии и Африки. Собралось 260 человек – люди разных возрастов, разных профессий. Во время съезда жили в Москве в бывшей усадьбе Трубецких Узкое. Побывали в Сергиевом Посаде, в Троице-Сергиевой лавре, на выставке «Князья Трубецкие в нашем крае», открытой в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике, и, конечно, побывали в Ахтырке. Ахтырка встретила их колокольным звоном, как когда-то в давние времена, встречали владельцев. От усадьбы сохранилась только церковь. В честь приехавших был отслужен

молебен.

Следующее семейное собрание Трубецких состоялось также в России, в августе 2006 года.

Крестный ход в Ахтырке. Икону несет Андрей Владимирович Трубецкой, рядом его жена Елена Владимировна. Фото конца 1990-х гг.

Семейное собрание потомков князя Николая Петровича Трубецкого. 1996 г.

Трубецкие. Сергиев Посад. Август 1996 г.

Мы видим, что, хотя усадебная жизнь осталась в далеком прошлом, многие родственные и дружеские связи сохранились. Более того, некоторые связи удастся иногда восстановить и в наше время. И восстановить благодаря усадьбам, как это произошло, например, недавно. Среди портретов, созданных М.М. Осоргиной в Измалкове, были портреты Урусовых. Княжеская семья Урусовых не была с Осоргиными в родстве, но снимала дачу в деревне Переделкино, близ Измалкова, и Урусовы приходили в гости. Разговорившись с одной из посетительниц выставки в Сергиево-Посадском музее-заповеднике – Татьяной Константиновной Павловой, я узнала, что ее предками с материнской стороны были Урусовы. А первой женой Сергея Петровича Раевского, жившего в нашем городе в 1920-х годах, была Елена Юрьевна Урусова. Портреты и ее родных, и родных С.П. Раевского были на

выставке. Благодаря этому состоялось знакомство Сергея Петровича с Татьяной Константиновной, мать которой, как оказалось, С.П. Раевский хорошо знал. Связи были нарушены, потому что Елену Юрьевну Раевскую арестовали и расстреляли, Сергей Петрович попал в лагерь. А Татьяна Константиновна потеряла родителей: отца расстреляли в 1937-м, а мать погибла на фронте в начале войны – пошла санитаркой, оставив дома двоих детей. Встреча с родственницей покойной жены была для С.П. Раевского большой радостью (Ему было тогда уже за 90).

Встречи в другой усадьбе стали причиной того, что Т.К. Павлова нашла еще одного родственника. В усадьбе Голицыных Большие Вяземы в Музее-заповеднике А.С. Пушкина проходят ежегодные голицынские чтения. На них выступал Владимир Александрович Голицын, рассказывал о судьбах предков, в частности о своей тетке Ольге Владимировне и ее муже Петре Петровиче Урусове, которые были расстреляны в Сибири в

1938 году¹³. В.А. Голицын считал, что никаких родственников Урусовых у него нет. Но встреча произошла. Т.К. Павлова оказалась племянницей П.П. Урусова, мужа тетки В.А. Голицына. Невольно вспоминаются слова Александра Блока: «Дворяне все родня друг другу».

¹ В настоящее время реставрированный памятник находится возле ахтырской церкви с южной стороны.

² *Трубецкой Евгений*. Из прошлого // Князя Трубецкие. Россия воспрянет. М., 1996. С. 21.

³ РГАЛИ. Ф. 503. Ед. хр. 152. Письмо Е.Н. Трубецкого матери. Март 1886 г.

⁴ *Трубецкой Евгений*. Из прошлого... С. 22–24, 27.

⁵ *Васильчикова Лидия*. Мой парижский театр // Наше наследие. 1998, № 46. С. 142.

Замужем за Г.Г. Лермонтовым была Варвара Николаевна Трубецкая.

⁶ *Мансурова М.Ф.* Детские годы // Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 22–23.

⁷ *Трубецкой С.Е.* Минувшее // Князя Трубецкие. Россия воспрянет. М., 1996. С. 140.

⁸ Графика М.М. Осоргиной. Образы минувшего. / Сост. и автор вступительной статьи *А.В. Комаровская*. Сергиев Посад, 2002. С. 6–8.

⁹ *Булгаков М. А.* Белая гвардия // Избранная проза М., 1966. С. 127.

¹⁰ *Голицын Сергей*. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 222.

¹¹ *Смирнова Т.В.* Дом на Вальной и его обитатели // Московский журнал. 1997. № 3. С. 33–40.

¹² *Трубецкой А.В.* Пути неисповедимы. М., 1997. С. 69.

¹³ *Голицын В.А.* Владимир Владимирович Голицын после 1917 года // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Б. Вяземы, 2004. Ч.1. С. 134–144.

Статья опубликована: Русская усадьба. М., 2006. Вып. 12 (28). С. 69–81.